

Валерий Петраков

Небесный Спаситель

Валерий Петраков

Небесный Спаситель

«Издательство «Перо»

2026

УДК 82
ББК Б85+83.3(2Рос=Рус)6

Петраков В. В.

Небесный Спаситель / В. В. Петраков — «Издательство «Перо»,
2026

ISBN 978-5-00270-805-5

Внезапно в начале двухтысячных годов я ощутил, что легендарное поколение, защитившее нашу Родину, уходит из жизни. В Европе, не дождавсь его ухода, начали уничтожать памятники нашим солдатам-освободителям. Уничтожать могилы наших солдат, павших в боях с фашистами. Поднявшие головы неонацисты стали опять проводить свои факельные шествия, мечтая о реванше. Начали переписывать историю Второй мировой войны. Замахнулись на саму Победу нашего народа. Всё наглее США и Англия стали объявлять себя победителями. Наша пропаганда отсутствовала^ идеология была запрещена Конституцией. Тему Великой Отечественной войны почти убрали из программы школы. Идёт западная пропаганда, идёт «игра в одни ворота». Молодое поколение не знает историю войны, а Запад и наша «пятая колонна» предателей внушают ему ложь. Если так будет продолжаться, то мы через два поколения можем утратить свою историческую память, предать забвению подвиг наших отцов. Желая сохранить Память и Правду о нашей тяжелейшей народной войне, я бросился записывать воспоминания у ещё ЖИВЫХ её участников с передовой фронта. Написал и издал серию книг: «Солдатские исповеди» и «Исповедь Победителей». На суд читателей предлагаю продолжение серии - третью книгу, художественно-документальный роман «Небесный Спаситель». Роман о невероятно интересной жизни Петра Артёмовича Романенко с 1928 года до наших дней. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82
ББК Б85+83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00270-805-5

© Петраков В. В., 2026

© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Предисловие	8
Запись 1	9
Часть первая	11
Запись 2	11
Запись 3	15
Запись 4	18
Запись 5	24
Запись 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерий Петраков Небесный Спаситель

Валерий Петраков

*Я люблю тебя, Россия,
Дорогая наша Русь.
Нерастроченная сила,
Неразгаданная грусть.
Ты размахом необъятна,
Нет ни в чём тебе конца.*

*Ты веками непонятна
Чужеземным мудрецам.*

Михаил Ножкин.

Издаётся в авторской редакции.

© Петраков В. В., 2026

Предисловие

Мы познакомились с Петром Артёмовичем Романенко в Брянском госпитале ветеранов войн. Много общались, я записывал его воспоминания о прожитой жизни и участии в Великой Отечественной войне. Жизнь и военная судьба у него была невероятно интересной. Наше общение вызывало взаимный интерес. Близкими были наши взгляды на жизнь, историю нашей страны, на тяжёлую Великую Отечественную войну. Подходило время его отъезда домой в старинный город Стародуб. Пётр Артёмович оценил мой искренний интерес к его жизни и признался, что у него есть рукопись, которую он решил передать мне для работы. Пригласил меня приехать к нему в гости. Большая редкость и удача для писателя – получить рукопись истории всей жизни уникального человека. Через неделю после его отъезда я приехал к нему домой. Вот и центр Стародуба. В тихом небольшом переулке стоял деревянный дом ветерана с садом. Открываю калитку во двор. Дальше события изложены в романе...

Запись 1

Собеседники

В комнате с окнами в сад, за круглым столом, покрытым белой скатертью, сидели двое немолодых уже мужчин. В широкой стеклянной вазе на столе лежали красивые крупные красно-жёлтые яблоки, от которых исходил приятный аромат. Прорезая листву деревьев, лучи полуденного солнца освещали вазу и яблоки. Стояла ещё бутылка сухого вина «Рислинг» с двумя фужерами. Солнечные лучи напрасно искрились на ней и фужерах. Собеседники до поры её просто не замечали.

Между ними шла очень интересная беседа, временами с философским осмыслением жизни, её превратностями, невероятными поворотами, трагедиями и необъяснимыми божественными спасениями. Превратности личной жизни и история нашей страны были темой разговора. Разница в возрасте собеседников составляла почти четверть века, но она не мешала их взглядам и дружескому общению.

Хозяин дома Пётр Артёмович, по случаю встречи с гостем, был при параде: надел пиджак со многими фронтовыми боевыми наградами. По ним знающему историю войны человеку легко можно было определить героическое прошлое фронтовика-ветерана. Сверкали два ордена Славы, орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и другие боевые награды. Гость, Валерий Викторович, написал книги о судьбах рядовых участников войны и с большим уважением к ним относился.

Пётр Артёмович с грустью в голосе поделился своими мыслями:

– Как схоже всё происходящее в круговерти мироздания, и жизнь человека вполне сравнима с циклом природных явлений. Детство – как светлое утро в играющих лучах восходящего солнца, затем жаркий полдень и, наконец, печально гаснущие лучи заката... Равно и человек, совершая своё путешествие по земле, проходит подобный путь, оставляя какой-то след в жизни. Каждый человек, и только что появившийся на свет Божий, уже начинает своё путешествие по жизни. Разве не совершает величайших для себя открытий малыш, пробуя на своих ножках первые шаги по земле-матушке? Познавая окружающий нас мир со своим разнообразием природы, мы сравниваем его с изменением времён года. Первая зелень весны, жаркое лето, золотая осыпь осенних листьев, крупные капли дождя и белый пух первого снега. Всё это для него такое необыкновенное открытие, что не сравнятся с этим никакие другие приключения.

Становится ясно, что всякий живущий на земле человек уже является путешественником. Я думаю, если проследить всю жизнь активного человека, то она будет полна удивительных открытий и приключений.

Наконец-то собеседники обратили внимание на бутылку «Рислинга» и выпили по бокалу вина, продолжив общение. Гость, добавил к сказанному:

– С вами трудно не согласиться, но часто жизнь обычного, простого человека ограничена в путешествиях и в его приключениях, ведь требуется иная жизнь и иные условия.

– Здесь, дорогой мой Валерий Викторович, я готов к возражениям... Часто размышляя над темой известных личностей и простых людей, я пришёл к необычному выводу. У многих простых людей жизнь часто протекает намного динамичней и с такими приключениями, что известным личностям и не снилось. Но дело в том, что редкому человеку удаётся рассказать, поведать свету о своих совершенно невероятных и фантастических историях. Тут в возможности донести свои чудесные истории миру простой непубличный человек проигрывает известным личностям. Возьмите, к примеру, историю Великой Отечественной войны: есть мемуары маршалов, генералов, полковников, была проза лейтенантов (шестидесятые годы), но вы почти не встретите воспоминаний рядовых солдат из окопов.

Затем Пётр Артёмович перешёл к главному вопросу встречи, к рукописи всей его жизни:

– Я решил передать в ваше распоряжение свою рукопись! Возможно, вы оцените её достоинства, ведь это по вашей писательской части. Мне уже более девяноста лет, зрение подводит, силы уже не те, а вы сможете завершить работу над книгой, – Пётр Артёмович встал из-за стола и прошёл в другую комнату. Через пару минут вернулся, держа в руках объёмную пачку бумаг. – Вот тут, как бы в автобиографии, вы найдёте и комедию, и трагедию, и многое такое, во что будет трудно поверить, а личность хозяина этих записок самая обыкновенная и простая. Уникальность самой рукописи в том, что она охватывает описание жизни простого человека от четырёхлетнего возраста до, можно сказать, его «финиша». Одновременно даётся картина того жестокого времени становления нашего государства и защита его от страшного вражеского нашествия. Надо ещё сказать, что описание истории моей жизни носит документальный характер. Я ничего не выдумывал, жизнь невероятней всяких фантазий.

Гость с большим интересом взял объёмную пачку бумаг и стал её рассматривать, периодически раскрывая в разных местах, прочитывая абзацы повествования. Пётр Артёмович молчал, давая ему возможность ознакомиться с рукописью. Прошло минут двадцать. Валерий Викторович, читая рукопись, отметил про себя: интересно, ярко, хороший стиль и изложение материала – не ожидал! Одновременно возникла мысль: как много предстоит работы! Даже имея такую интересную рукопись, надо много времени и усилий приложить, чтобы всё это проработать и довести до издания книги. Из своего опыта он знал, что придётся затратить на книгу два-три года работы.

Но рукопись таких усилий, времени и денег стоила!

Он закрыл рукопись и высказал своё хорошее мнение о ней. Добавил, что не сможет сразу приступить к работе над книгой. Сейчас работает над завершением своей книги. Однако обязательно начнёт работу над рукописью и издаст книгу! Пётр Артёмович сказал:

– Передаю вам свой многолетний труд и хочу, чтобы вы издали книгу, сохранив для людей историю моего долгого путешествия по жизни!

Продолжили разговор о книге, налили ещё вина и не спеша выпили. Солнечные лучи, проходя через ветви яблонь и груш в саду, освещали комнату и стол уже не так интенсивно и ярко, ведь прошло незаметно за интересной беседой несколько часов. Дополнив общение, Пётр Артёмович прочитал гостю несколько своих стихотворений. И в этом, отметил для себя Валерий Викторович, он, несомненно, имел хорошие способности. Ещё гостеприимный хозяин сумел поразить гостя своей феноменальной памятью, сказал, что запомнит номер его мобильного телефона без записи. Причём это будет четырнадцатый номер близких и знакомых ему людей. Невероятно иметь такую память в девяносто два года! Прошёл ещё примерно час в дружеской беседе близких по духу людей, но наступило время прощаться. Собеседники вышли в сад, где был большой урожай яблок (таких, как в вазе) и груш. Под крупными ветвями деревьев стояло много деревянных подпорок, чтобы они не обломились от большого веса фруктов.

Хозяин предложил гостю набрать сумку фруктов в дорогу. Валерий Викторович наполнил сумку яблоками и грушами, после чего они вышли вдвоём на улицу. Там на прощанье гость сделал несколько снимков Петра Артёмовича на фотоаппарат. Расставаться им совсем не хотелось...

Часть первая

Детство

Запись 2

Заступник

Нас была куча – семеро. Первому шестнадцать, последнему, вернее последней девочке – год. Ютились мы в избе, семь аршин на пять. Земляной пол в избе, соломенная крыша. Единственное окошко пропускало мало света, особенно в пасмурную погоду или зимой, когда стекло покрывалось толстым слоем инея. Скрипучая дверь открывалась прямо во двор, без всякого, даже примитивного, навеса. Вся обстановка в избе состояла из грубо сколоченного стола, двух малых и одной большой лавки, полатей да большой русской печи – нашей спасительницы в зимние стужи.

Дебошир отец только в одном проявлял своё мастерство – произвёл кучу детей, а хоть что-то для них сделать у него не было никакого желания. А если где смог заработать, то домой заявлялся в весёлом настроении, с пустым карманом, но с железными кулаками, извергая сквернословия...

Тогда восемь пар глаз, восьмая была мать, со страхом таращились на своего здоровенного тятю. Тятя, чтобы не видеть полуголых, голодных чад своих, хватал в избе, что в руки попадётся и с криком: «Геть, туды вашу мать...» Распускал свои руки даже на малышей. Тогда плохо приходилось тому, кто не успевал юркнуть на печь, под печь или под полати.

Однажды в очень морозный вечер он заявился в особенно приподнятом настроении. И начал с того, что набросился с кулаками на мать. Ей чудом удалось вырваться из его здоровенных ручищ и убежать из избы. Чтобы выместить на ком-то свою лютую злобу, он выставил

окошко, забросил в снег печную заслонку и кружки от печи. Распахнул настежь скрипучую дверь и ушёл, оставил не битыми только лавки. Оставил до смерти перепуганных, бедных детей своих на вымораживание...

Мне было четыре года, и с этой зимней студёной ночи во всём моём маленьком существе как будто что-то преобразилось. Память моя обрела способность уже ничего не забывать!

Старшего брата в этот вечер дома не было, он находился у соседей. Когда он вернулся, с трудом разыскал заслонку, кружки, вставил раму, а две разбитые части окна заткнул тряпками. Зажёг каганец и затопил печь. Только две маленькие сестрёнки спали на печи, укутанные в тряпье, остальные не сомкнули глаз, боясь возвращения свирепого родителя. Но он не появился. После полуночи пришла мать... Узнав все подробности случившегося в её отсутствие, она зажгла перед иконой лампадку, и встав на промёрзший земляной пол на колени, долго и слёзно молилась:

– Господи, Боже милостивый, сжался над малыми чадами своими, заслони силой своей господней нас от зверя лютого. Господи, Отец небесный, затумань разум его, чтобы не вернулся он больше к нам до скончания нашего века. Господи, спаси и помилуй!

Потом она долго ещё стояла молча на коленях, оцепенев от горя, скрестив на груди исхудалые руки. Её маленькая фигурка тихо содрогалась в безмолвном рыдании. Я соскакиваю с печи, подбегаю сзади и, обнимая за шею упрашиваю:

– Мапочка, вставай, хватит уже, холодно на полу, – и пытаюсь помочь ей подняться. – Не плачь, может, он уже никогда не вернётся, может, сам где-то замёрзнет.

Но он не замёрз и не сгинул...

Шли дни за днями, но время не сглаживало, не притупляло присутствие страха. Обитатели избушки жили в постоянном состоянии страха. Особенно мучительными были долгие зимние вечера. Вскоре после той страшной ночи старшая сестрёнка сильно заболела. То ли от простуды, то ли от испуга, она вся горела от высокой температуры, однако её сотрясало в ознобе. Потом она потеряла сознание и, не приходя в себя, на тринадцатый день умерла. Над её худеньким тельцем, одетом в ситцевое платьице, в маленьком гробу, причитала одна мать. Сгрудившись, братья молча стояли над гробом. Только старший Василий и промолвил:

– Не плачьте мама, всё равно она не воскреснет, а вам вон ещё скольких растить надо...

Уложив детей спать, мать каждый раз подолгу стоит перед святым ликом Николая Угодника, моля его о заступничестве. А когда она забирается на полати и засыпает, я в свою очередь слезаю с печи, становлюсь на колени, устремляю свои глазёнки в тёмный угол. Туда, где на двух колышках, вбитых в стену, стоит потемневшая от времени икона.

– Господи, Боже мой, – с благоговейным трепетом и надеждой шепчу я заученные слова, – помоги нам, спаси нас и помилуй. – И так, повторив трижды, я трижды кладу на себя тремя пальцами крест. Ещё некоторое время стою молча и всматриваюсь в тёмный угол. Моя душенька наполняется надеждой и верой в то, что Боженька заступится и, стараясь никого не разбудить, тихо забираюсь спать на своё место.

Эта вера настолько вжилась в моё детское сознание, что поступить иначе я уже не мог, и только со временем прибавил к своей молитве несколько значимых слов. Свои моления стараясь, насколько мне это удавалось, скрывать от остальных членов семейства.

Так с чувством надежды и тревог прошла зима. В напряжённых крестьянских трудах и заботах миновала и весна.

Старшие братья и мать трудились с таким усердием, что ни в чём не уступали соседним мужикам. Зеленью покрывалась усадьба, колосовые растения в поле радовали хорошими всходами. Приближалась горячая пора сенокосов. Старший брат, которому уже исполнилось семнадцать лет, неустанно мастерил крестьянский инвентарь: грабли, бороны и прочее. Ещё заготавливал детали для новой телеги, и ему постоянно помогал Павлик.

В окошко ещё слабо проступал рассвет, когда, весь дрожа от страха, я проснулся. Мне приснился кошмарный сон. Мать уже хлопотала возле затопленной печи.

– Мама! – зову её шёпотом.

– Что, сынок?

– Мам, мне снился страшный сон.

– Перекрестись, и спи, ещё рано!

– Нет, мама, не могу я спать. Послушай, снилось мне, что в нашу избу влез большущий чёрный кабан, но вместо передних ног у него были руки. И руки такие страшные, они обросли чёрной шерстью и были очень длинными. А ещё у него изо рта текла кровь, и он хрюкал, но вместо звуков хрю-хрю слышалось хлопанье. Так мешала ему выговаривать вытекающая из пасти кровь. И вдруг, оскалив торчащие из пасти клыки, он кинулся на тебя. Я закричал и проснулся.

Мать поставила ухват, который держала в руках, и стала креститься на святой образ.

– Петик, плохой это сон, мне тоже снилась всякая нечисть, – пожаловалась она и молвила: – Господи, сохрани и помилуй! Пусть куда ночь, туда и сон.

И ночь ушла в небытие, но сон исполнился своим предсказанием. В моей памяти он остался на всю жизнь... Когда солнышко встало уже из-за леса, мать поставила на стол нехитрую крестьянскую снедь. Собралась звать завтракать старших сыновей, которые изготавливали инвентарь для работы. Тут во двор из-за сарая появился наш тятя.

Он остановился возле сыновей. На его лице, заросшей щетиной, играла зловещая ухмылка... Я сидел на лавке у окна и видел, как он стал им что-то говорить, скручивая самокрутку. От страха у меня отнялся язык, в груди всё сжалось в какой-то холодный комок. Я гляжу то во двор, то на мать и, раскрыв рот, молчу. Вдруг тятя бросил на землю сигарку, так и не прикурив её. Выхватил из рук старшего сына топор и с диким остервенением принялся кромсать все, что попадалось под его руки. В щепки разлетались грабли, бороны, оглобли. Разрубил ось, расколол подушку – самую сложную в изготовлении деталь телеги. Сыновья отбежали от него и, прижав руки к груди, упрашивают:

– Тятя, тя-я-тя, что вы делаете?!

На их мольбу он только бросил зловещий взгляд и, зашвырнув топор в огород, схватил с плетня косу. Сбил её с древка и, глядя на окошко, решительно направился к избе.

– Ма-а-ма! – только и успеваю выкрикнуть я, как в распахнутую настежь дверь ворвался разъярённый отец.

– А-а, туды твою... хозяйствовать задумала с сынами!..

Окаменевшая от ужаса мать, съежившись, стояла перед иконой. Три пальца её руки, соединённые для крестного знамения, повисли в воздухе...

– Богу молишься?! – он одним броском рванулся к иконе, сорвал её со стены и грохнул об пол. – Вот тебе Бог! – и занёс ногу, чтобы растоптать святой лик.

Но в мгновение ока я успеваю схватить икону и прижать её к своей груди. Занесённая для удара нога отшвырнула меня как пушинку к порогу. Свирепый тятя схватил левой рукой мать за волосы, пригнул её к полу и занёс косу над горлом. Никакая сила уже не могла помешать свершению трагедии. Вскочив на ноги, не помня себя, я успеваю что есть мочи выкрикнуть единственное: – Бо-же-е!!!

На мой вопль в распахнутую дверь вскочили Василий и Павлик, готовые броситься на помощь матери. Но помощь уже не понадобилась – она опоздала. Я видел своими расширенными от ужаса глазами, как сверкнула у затылка тяти тоненькая яркая искорка! Он выронил косу, повалился бесформенной массой на бок. Рухнул на пол, всё ещё удерживая за волосы мать. Подбежавшие сыновья с трудом расцепили его пальцы, освобождая мать. Тятя был мёртв. Всей семьёй стояли мы посреди избы в молчаливом оцепенении...

В избу, проходя мимоходом, заглянула старушка Ларьчиха, прозванная так по имени своего старика Иллариона. Увидев и узнав все подробности случившегося, она промолвила своим беззубым ртом:

– Нечистая сила в нём была, вот Господь Бог и покарал его...

Я всё ещё стоял, крепко прижимая образ Николая Чудотворца к своей детской груди.

– Это тебя, дитяtko, услышал Господь и заступился! – она взяла у меня из рук святой образ, укрепила его на прежнее место и трижды перекрестилась.

Стоя с ней рядом, мать только и сказала: – Господи, великая слава Тебе, заступник Ты наш!

Мучителя мы похоронили без почестей, но крест на могиле поставили.

Запись 3

Слёзы

Обидно до слёз, когда над тобой надругается и смеётся сильнейший. Но вдвойне обиднее бывает, когда смеётся над тобой родной по крови.

Кончились запасы нарубленных дров, и среднему брату, Павлику, пришлось их заготавливать, когда на дворе стоял крепкий мороз. Втащив пару охапок заиндевевших поленьев в избу, он бросил их возле печи и, заговорщицки улыбаясь, хвастливо заявил, что вкусенького наелся во как много, и провёл ладонью по горлу.

– Павлик, дай мне хоть чуть-чуть покушать.

– Крепко хочешь?

– Да-а! – отвечаю ему своим писклявым голосом.

– Сейчас принесу, – и Павлик шмыгнул во двор.

Через пару минут он внёс остаток нарубленных дров, а заодно прихватил топор. Морозный воздух клубком ворвался в открытую дверь.

– Закрывай быстрее, видишь какой морозище за мной гонится, – смеётся брат и добавляет: – Это он злится, что я у него гостинец украл. Бросив дрова, он оставил в руках топор. Остывший на морозе металл в тепле быстро покрылся сахаристым инеем. – Хочешь сладенького?

– Хочу!

– На, попробуй, только много не ешь, – и он поднёс «гостинец» к моим губам.

Стараясь слизнуть побольше, я всем языком приложился к топору. Язык как магнитом прихватило к металлу. Рывком отталкиваю от себя брата, и жгучая боль наполнила рот. Розовая кожа моего языка осталась на металле. Слёзы сами брызнули из моих детских глаз. Павлик от удовольствия заливается смехом.

В детстве по тем или иным причинам всем приходится пускать слёзы, а из моих глаз они часто бежали ручьями.

– У тебя что ни шаг, то слёзы, – упрекает мать, – на роду у тебя написано, что ли? Куда ни сунешься, всюду тебе попадает, просто беда с тобой, да и только.

– А я виноват? – утирая рукавом очередные слёзы и то, что висит под носом, защищаюсь я.

– Кто тебя посылал?

– Павлик! Гнедко в овёс зашёл, так он меня послал выгнать его.

После тёплого минутного дождика зелёные серёжки овса сверкают бисером. Спутанный Гнедко уже не раз пытается забраться в любимое лакомство. Вместо того чтобы побежать самому, Павлик вручает мне хворостину и посылает выгнать коня из овса. Подбежав к коню, я, не рассчитав расстояние, хлестнул его по задним ногам. На мои действия Гнедко ответил тем же. Его широкое, как лопата, копыто пришлось мне прямо в лоб. Я отлетел от него метра на два. От боли, а больше от испуга, несколько минут лежу и не шевелюсь.

– Дышит, живой, – слышу над собой голос брата, – я видел, он его не ударил, а только отшвырнул.

Мать берёт меня на руки:

– Лентяй ты поганый, знаешь, что конь брыкается, а послал дитёнка, у самого колени не гнутся от лени, – ругает она Павлика.

– Цел же. В другой раз умнее будет, – огрызается тот.

Но мой ум ещё никак не хочет служить мне верой и правдой. Нет-нет да и подставит бестолковая головушка то руку, то ногу, а то и вовсе всё тельце туда, где получаешь горячего до слёз.

На селе отмечают праздник Спас. Каждая изба наполняется ароматом душистых яблок, груш и мёда.

Мать принесла от деда Ларьки махотку мёда, раздобыла десятка два яблок, так как на своей усадьбе, кроме двух верб возле колодца и одной старой берёзы да орехового куста возле бани, ничего из деревьев не было.

Свозили яблоки и мёд в церковь, которая находилась в селе за пять вёрст от нашего посёлка. По возвращении оттуда и в нашу избу заглянул праздник.

– Мам, где вы мёду взяли? – облизывая ложку, интересуюсь я. – Какой он сладкий!

– На то и мёд, – вместо матери отвечает Павлик, – где взяли, пчёлы дали, вон сколько их у деда Ларьки.

Об этом разговоре вскоре все забыли, но только не я. Спустя несколько дней, когда мать и старшие братья работали в поле, я тайком от сестрёнок беру махотку и по лугу отправляюсь на пасеку деда Ларьки. Конечно, шёл босиком, в одной рубашонке, которая с трудом прикрывала пуп. Я, как и все мальчишки моего возраста, бегал без штанов. Там на окраине посёлка, на опушке леса жил единственный здесь человек имевший пасеку, дед Илларион.

Погода стояла тихая, солнечная. Подкрадываюсь к пасеке со стороны кустов орешника. Притаившись в десяти метрах от ульев, с замиранием сердца наблюдаю, как дружно снуют трудолюбивые пчёлки. Дзинь, дзинь – улавливаются отдельные звуки, когда пчёлы срываются в полёт. Другие, возвращаясь с желтой пылью на лапках, тяжело шлёпаются на доску возле летка. От этого сплошного движения в воздухе стоит лёгкий шумок. Мои ноздри втягивают во всю мощь легких аромат мёда. Поглядывая на ульи, я не забываю дедову избу и двор, откуда в любую минуту может появиться хозяин. Сейчас моя задача состоит в том, чтобы поставить махотку у самого большого улья и ждать, пока, по моим представлениям, должны пчёлы наносить в неё мёд. Наметив домик, который располагался вторым от края, на четвереньках, уже почти подполз к намеченной цели. Миротлюбивые труженицы как будто не замечают моего вторжения в их владения. Чуть-чуть приподнимаюсь и протягиваю свою посудину, собираясь поставить её перед летком. Ещё полшага, и моя нога за что-то цепляется. Падая, я с размаху треснул глиняной посудиною о доску. Черепки разлетаются вдребезги, только один кусочек остается в моей руке.

И о ужас! Так мирно жужжавшие до этого пчёлы в один миг превращаются в страшных мохнатых зверюг. Мои ноги не касаются земли, но унести меня, несчастного, от преследователей всё равно не успевают. Жгучие укусы пронизывают всё моё почти голое тело. Особенно достается мягкому месту. Что было бы со мной, не находишь в метрах тридцати небольшая копна ещё не слежавшегося душистого сена.

Отмахиваясь от наседавших разбойников, я с разбегу юркнул в сено. Как слепой крот, забрался вглубь копны, пока не спряталась последняя конечность. Сердитый гул целого роя некоторое время слышится вокруг. Теперь мне они уже не страшны, но и того, чем успели они меня угостить, вполне было достаточно, чтобы мое тело через несколько минут превратилось в «наливное яблоко». Оставаться долго в сене не было сил. Прислушиваюсь. Тихо. Значит, убрались. Разворачиваюсь и высовываю из стога свою голову. Надо мной высится в полотняных штанах и длинной белой рубахе костлявая фигура деда Ларьки.

– Ах ты, горе-пасечник, ах ты, малец неразумный, и кто только научил тебя этому! – он вытаскивает меня из копны за руку, в которой я всё ещё держу кусок того, что осталось от махотки, забыв от страха о его присутствии. Потом мельком осмотрев моё тело, дед подхватывает меня на руки и тащит к себе в избу.

– Вот беда, баба куда-то ушла, – ворчит он, – ну да ладно, снимай свою рубашонку. И, качая головой, начинает смазывать моё тело какой-то липкой, пахнущей мёдом мазью: – Ах, пасечник, пасечник, ну это же хорошо, что так, а могло бы и хуже быть, ну да ладно, через

часок-другой легче будет, – бурчит он, освобождая тело от чёрненьких колючек – пчелиных жал. – Хорошо, что я увидел, это счастье твоё, а то от столько укусов и до смерти недалеко.

Уже когда надвигались сумерки и по лугу поплыл лёгкий туман, дедушка Илларион повёл меня домой. Он не только спас меня, но и вдоволь угостил мёдом.

Мать и братья уже собирались идти на поиски, когда дед Ларька, улыбаясь в свою пышную бороду, сказал: – Возьмите своего пасечника и вот вам медку на гостинец, – протянул он матери выдолбленную из дерева небольшую посудинку.

Моё тело поправилось скоро, а прозвище «Пасечник» прилипло ко мне надолго.

У меня постоянно болит живот.

– Петик, садись есть, – требует мать.

– Не буду, я не хочу вашей картошки! Молочка хочу, каши молочненькой!

– Где я возьму тебе молока, ты же вчера ел! Не могу же я каждый день ходить просить у людей!

– У меня животик болит! – жалуясь я и, хныча, забиваюсь в угол.

– И что же нам делать? Совсем захирело дитё! На нем кожа да косточки! Не жилец он у нас! Коровёнку хотя бы какую купить! Да за что?

Братья молчали. Сестрёнки хотя и были моложе меня, но на аппетит не жаловались и уплетали подчистую всё, что им дадут.

– Смотри, Нина какая маленькая, а ест всё, не хнычет, как ты! – кричит Павлик и, ухватив меня за руку, тащит к столу. – Ешь, Белый Пись, – так прозвали меня за мой писклявый голос и белый пушок на голове, – ешь, а то шас прибью!

Трясущимися руками беру деревянную наполовину изгрызенную ложку и со слезами вместе глотаю толчёную картошку.

– Не мучай ты его! – застывает иногда мать, но сама ничего другого придумать не может. – Господи, прими ты его душечку, успокой ты несчастного страдальца! – вздыхает она, ставя перед иконой зажжённую восковую свечу.

Все, кто был в избе, молча смотрят на её действия и на моё предсмертное страдание. Бегаю в любую погоду босиком и, если не считать рубашонки, голяком, я нажил себе простудное заболевание. У меня образовался большой фурункул в горле, скула, так говорили в народе, и эта скула, промучив меня некоторое время, теперь совершенно перехватывала дыхание. Я лежу с открытыми глазами, они от боли вылезают из орбит, и на глазах у матери и братьев задыхаюсь. Ещё минута, ещё другая – и скула задушит моё измученное тело, избавит меня от дальнейших страданий. Видя, как её несчастное чадо отходит в иной мир, мать решила поставить свечку перед святым ликом.

Но Господь Бог решил иначе...

Задыхаясь, я всхлипнул, в последний раз хватая воспалённым ртом воздух, и созревшая скула лопнула. Содержимое нарыва хлынуло изо рта. Я громко заплакал. Мать и братья бросились ко мне, раскрыв от удивления и радости рты.

Поставленная перед Николаем Чудотворцем зажжённая свеча за упокой оказалась для меня за здравие.

– Значит, жить ему долго-долго, – сказала заглянувшая в избу соседка Сорочиха, – коль Господь в последнюю минуточку вернул его к жизни.

– Ох и крепкая душечка в его теле, – вздыхая, вымолвила мать, – и в чём только эта душечка держится...

Запись 4

На ярмарку

Жаркий погожий август сменился таким же тёплым сентябрём. С полей собрали последний урожай. Приближался осенний праздник Сдвижение, после которого мне пойдёт седьмой год. Однажды мне удалось подслушать, как мать говорила старшему сыну Василию, что на Сдвиги в городе будет ярмарка. Надо будет собрать кое-что, повезти на ярмарку да продать, чтобы купить хоть какой материи, потому что малые совсем голые, да и тебе с Павликом нужны обновки. Мать просила его не говорить никому, чтобы не поднялся крик – все будут проситься в город.

– Мама, вы же всё равно кого-нибудь возьмёте с собой?

– Конечно, надо взять, но не знаю кого. Гришу хотелось бы свозить или Петика, он ещё ни разу нигде не был.

– Возьмите Петьку. У него и весу фунт, коню не в тяжесть, и дома писку меньше будет.

– Ладно! – согласилась мать.

Услыхав такую новость, я чуть было не выскочил из своего укрытия. Меня всего распирало от радости, но успел вовремя спохватиться. Не дай Бог узнают остальные, и тогда в доме поднимется целый вопль голосов и море слёз. Все четверо будут проситься в город на ярмарку.

До города сорок пять вёрст. Чтобы туда добраться к утру, из посёлка выезжали вечером, дав предварительно целые сутки отдых коню.

Смазав дёгтем колёса, проверив надёжность сбруи, Василий с матерью размещают на телеге всё то, что решили продать. Укрывая свежескошенной травой предназначенный для продажи товар, мать тихонько шепнула мне:

– Как Василь будет запрягать коня, ты иди к бане и спрячься в ореховый куст, да смотри, чтоб другие не видели. Ты поедешь со мной в город.

Моя душа уходит в пятки. В избе собираются вечерять. Мне не до еды. Семья за стол, а я – в ореховый куст. Моё отсутствие за столом никто не замечает. Незаметно ускользнув от брата Гриши и сестрёнок, я забираюсь в огромный, как шатёр, ореховый куст. Затаив дыхание, прислушиваюсь к происходящему во дворе. Вот уже сгущаются сумерки, лёгкий холодок начинает давать о себе знать. Наконец, отчётливо слышится голос матери: «Но-о, пошёл!» Через минуту я, вскарабкавшись на телегу, усаживаюсь в мягкую траву.

Когда миновали большое село, к нам стали примыкать другие упряжки. Вскоре образовался настоящий обоз. Вереница скрипучих телег росла с каждым километром. Они словно ручейки стекались с просёлочных дорог в русло большака Новгород-Северский – Стародуб.

Лошадки, пофыркивая в ночной прохладе, вышагивали бодро, не желая отстать друг от друга.

Мне не спится. От избытка восторженных чувств без умолку лепечу матери что на ум взбредёт. Ночь выдалась на редкость для этого времени года тёплая. Небо усеяно мерцающими звёздами. Иногда, ярко вспыхнув, несётся к земле светлая полоса.

– Мам, а из чего звёзды сделаны, что так блестят?

– Наверно, из золота.

– А что такое золото?

– Ну это такое красивое железо, из которого деньги делают.

– А зачем такие деньги?

– О, Петик, за такие деньги можно всё купить.

– И корову?

– И корову.

– Вот если бы упала к нам на повозку хоть одна звезда!

- Что ты, сынок, не дай Бог!
- Почему не дай Бог?
- Потому что она большая, тяжёлая и горячая. И нас, и коня бы убила!
- Это страшно! Тогда не надо... Мам! А до города далеко ещё ехать?
- Далеко, Петик. Давай я тебя укурю получше, а ты поспи.

Убаюканный покачивающейся телегой, под монотонный скрип колёс я засыпаю так крепко, что за всю долгую дорогу ни разу не просыпаюсь.

Но вот повозку стало трясти, а колёса стучать, выбивая мелкую дробь. Открываю глаза, приподнимаю голову. Начинается утро. Мы въезжаем в город. Копыта Гнедка и других лошадок, идущих впереди и сзади, звучно цокают по камням булыжной мостовой.

- Мам, это город?
- Да, Петик. Въезжаем в город. Хорошо выспался?
- Хорошо, а где тётя?
- Какая тётя? – в изумлении смотрит на меня мать.
- Ну та, что ехала с нами, такая красивая.
- Никто с нами не ехал!
- Ехала! Она меня по голове гладила. Она красивая, у неё над головой обруч горел, как звезда на небе.
- Что ты плетёшь, сыночек?
- Не плету! А где платочки?
- Боже мой, какие платочки? Что с тобой, Петик?
- Нуте, что мне тётя дала! Она ещё сказала: «Это тебе, чтобы ты не плакал». Платочки красивые, много-много! – я шарю вокруг себя, надеясь найти подарки.
- Сыночек, глупенький, это тебе приснилось! – сердито говорит мать, ей надоели уже мои причуды.
- Нет! – настаиваю на своём. – Она рядом со мной сидела, у неё над головой была радуга, а ещё она меня перекрестила!
- Сон это, сыночек, сон, но сон хороший, а к чему он, Бог его знает.

Поддавшись уговорам, умолкая, посапывая в раздумье: было это на самом деле или действительно только приснилось.

В городе всё для меня было в диковинку. Кирпичные дома с большими окнами, окна украшены резными карнизами. Крыши покрыты железом. Церкви: одна, вторая, третья... Все каменные, высоченные, не то, что у нас в селе. Мы въезжаем на базарную площадь.

Боже мой, что здесь творится! Целый лес поднятых кверху оглоблей, ржут кони, визжат свиньи, мычат коровы, блеют связанные на телегах овцы. Рядами возы с сеном, дровами и ещё со всякой всячиной! А людей на ярмарке!..

Не успела мать распрячь Гнедка, как к нашей телеге подошли покупатели. Мать быстро продала бородатому дядьке четыре мешка берёзового угля для кузницы, затем тут же у нас купили всю пеньку. Разглаживая её длинные шелковистые пучки, покупатели соглашались, что пенька хороша, и платили красную цену.

– Ну вот, Петик, ты посиди, а я пойду поищу покупателя на орехи. А когда продам, пойдём с тобой в лавку.

- А конь?
- Конь цел будет, его никто не возьмёт. Смотри, с повозки не слезай, – и ушла. Она вернулась скоро.

Сопровождавшая ее высокая, полная, одетая в чёрное платье и такой же чёрный платок на голове, женщина взяла горсть орехов из развязанного мешка, взвешивая их в руке, определяла качество товара.

– Орехи полные, зрелые, ни одного пустого. Дети собирали их, когда они хорошо вылушцивались, – расхваливала мать свой товар.

– Сама вижу! – ответила очень мягким, приятным голосом покупательница. – Поэтому и цену даю хорошую.

– Надбавьте ещё хоть рублик! – просит мать.

– Так и быть, – соглашается женщина и, отсчитав деньги, пересыпала орехи в свой белый холщовый мешок. – Если, когда придётся вам в городе быть, заезжайте. Живу я одна, можно у меня и переночевать, – она назвала улицу и номер дома. – Меня Анной зовут.

– Слава Богу, всё продали и цену взяли хорошую, – молвила мать. И, пересчитав деньги, принялась расстилать полотняную подстилку, чтобы насыпать коню овса. – Пусть ест, а мы пойдём в лавку, – и мать взяла меня за руку, чтобы я не потерялся.

Нам приходилось лавировать в этом бесконечном людском потоке. Я глазел на нарядно одетых женщин, у которых на ногах были обувки с такими высоченными и тонкими каблуками, что я не понимал, как можно было в них ходить и не падать. Мужчины в костюмах, а на голове шапки, похожие на перевернутый горшок с широкими полями. А вот девочка в разноцветном платье, словно бабочка, её за руку держит подросток. Мальчик был в чёрных штанах, сатиновой сорочке и блестящих ботинках. Мне становится не по себе, когда я взглянул на свои грязные босые ноги. На штанишки из домотканого полотна, выкрашенного в ольховой коре.

Мать дёргает за руку: куда ты устался, пойдём!

Длинными рядами, словно солдаты в строю, выстроились глиняные горшки, кувшины, макитры – от малюсеньких до пузатых, в которые полное ведро воды влезет. Деревянные бочки, колёса, дуги, хомуты, готовые телеги... Дальше развешаны на веревках сапоги, пиджаки, шапки. А вот и гостинцы: булки, пряники, бублики, конфеты в бумажках, на которых нарисован красноармеец. Они такие большие, с целую ладонь. Вокруг стоит невообразимый шум. Кто-то, перекрикивая толпу, приветливо зазывает к себе покупателей: «Хлопцы, молодцы, соколы ясные, бабоньки, девицы-голубицы, продаю по дешёвке товары прекрасные!» Где-то разухабисто играет гармоника. Впереди на обочине дороги монотонно пиликает скрипучая музыка. Вскоре мы поравнялись с ней. На тоненьких ножках стоит разрисованный ящик, на нём сидит очень красивая птица с чубчиком на голове. Седой дедок вращает ручку, и ящик издаёт скрипучие звуки.

– Шарманщик, – сказала мать и чуть приостановилась.

Вокруг шарманщика толпятся зеваки. Вот девушка подаёт шарманщику рубль. Приняв деньги, тот говорит птице: «Петруша, вытащи билетик на счастье этой красавице!» Птица, повернув голову набок, смотрит на девушку и своим загнутым клювом важно вытаскивает из ящика пакетик и подаёт его хозяину.

Дедок, вскрыв пакет, предлагает: – Девушка, вернуть вам деньги?

– Нет, давайте выигрыш!

– Дать вам пять рублей?

– Нет, выигрыш, – настаивает девушка.

– Даю десять рублей, берёшь?

Девушка заколебалась.

– Бери деньги, дура, – советует рядом стоявший парень, – может, там пусто, а дед тебя дразнит!

И девушка соглашается взять десятку.

– Что там в пакете, покажи! – кричит кто-то из толпы.

И дед вытаскивает женские ручные часы, стоимость которых во много раз больше того, что согласилась взять девушка.

– Ты виноват! – толкает она кулаком парня в грудь и со слезами выбирается из толпы.

А шарманщик объявляет, что в выигрыше есть гармошки, сапоги, одна корова, одна лошадь. Корова и лошадь стояли недалеко от телеги.

– Налетайте, за рубль можно коня выиграть!

Постояв здесь несколько минут, мать потащила меня дальше.

– Мам, а может, и мы выиграли бы корову?

– Гляди, чтоб быка не выиграл! – смеётся мать. – И последнюю копейку проиграешь, пойдём!

Проходим мимо плетёных из лозы арб, в которых заманчиво красуются разных мастей арбузы. Рядом продаётся мёд, его аромат привлекает не только любителей сладкого, но и множество пчёл. От всего увиденного у меня кружится голова, глотаю слюнки, но мать ведёт, приговаривая: – Вот в лавке купим материи, тогда будем ещё что смотреть.

В просторном магазине с большущими окнами полно народу. Протиснулись к прилавку, за которым продавцы выкладывают разные товары перед покупателями, расхваливая их достоинства. Мой рост не позволяет мне всё видеть, что там на прилавках, зато очень хорошо видны ноги людей. Держась одной рукой за сарафан матери, разглядываю эти ноги. Одни босые, с широко растопыренными пальцами, грязные. Штаны у этих ног полотняные, окрашенные, как мои, но есть и белые. Другие в лаптях, их портянки аккуратно оплетены тонкими оборками. А вот блестящий, аж играет, сапог чуть не наступил на свёрток красивых бумажек. Тихонечко наклонюсь, сгребая бумажки и, крепко зажав их в ладони, опускаю руку в карман штанов, которым я очень гордился в своём селе. У других мальчишек штаны были без карманов. Чутко постояв, дёргаю мать за сарафан.

– Чего тебе? – сердито спрашивает она.

– Я на двор хочу!

– Крепко?

– Да-а!

– Ну пойдём, – мать, оставив на время прилавков, направляется со мной к выходу. Не успели выйти из лавки, как я потребовал:

– Отведи меня, мам, к нашей повозке.

– Пойдём, вон туда сходишь...

– Нет, я хочу на повозку к Гнедку!

– Что с тобой, сыночек?

– Ничего! Отведи меня к повозке! – заупрямился я.

Ничего не понимая, мать хватается меня за руку и торопливо тащит к телеге.

– Знала бы, что ты такой, сидел бы ты дома, лучше бы Гришу с собой взяла!

Не обмолвившись ни единым словом, еле поспеваю за матерью.

– Что ты молчишь? Онемел, что ли, Пись белоголовый? – она так рассержена моим поведением, что не удержалась от обидного для меня прозвища.

Вот, наконец, наша телега. Гнедко ещё подбирает своими мягкими губами последние зёрнышки овса. Обрадовавшись тому, что мы теперь далеко от лавки, забираюсь на телегу и только теперь заявляю матери:

– Мам, давай корову купим, я молочка хочу.

Мать так изумлённо уставилась на меня, что как будто впервые видит свое белоголовое чадо, и со злостью спрашивает:

– А ты знаешь, сколько стоит корова?

– Нет! Ну сколько?

– Смотря какая корова! Тридцать, а то и сорок рублей! И ты за этим оторвал меня от дела?

– Нет!

– А зачем же ещё?

– Вот! – вытаскиваю из кармана свёрток и, улыбаясь, протягиваю ей.

Она смотрит широко открытыми глазами мне в лицо и на руку.

– Ты где это взял?! – наконец выдохнула испуганно.

– Там в лавке на полу под ногами лежали, дяденька чуть на них сапогом не наступил. За эти бумажки можно купить корову?

Мать всё ещё смотрит на меня с двойным чувством радости и смутения, которые одновременно заполнили её сознание. Потом взяла деньги, пересчитав, сказала:

– Тут и на корову, и на коня хватит, и ещё на что... Боже мой, боже мой, ладно, если потерял человек богатый, а если бедный?

– Мам, ну я ж не виноват?

– Ты, конечно, не виноват. Не ты, так кто-нибудь другой нашёл бы их, – и, подумав, добавила: – Пожалуй, у бедного столько денег быть не может. Это Господь сжалился над тобой, – и, вспомнив моё ночное сновидение, перекрестилась: – Пойдём, сынок.

Ярмарка в самом разгаре. Мы идём среди телег, к которым привязаны коровы. Вскоре нашли то, что обоим пришлось по душе. Сторговались быстро. Мать решила не стоять за ценой.

– Её доить надо, а ведёрко как на грех забыла захватить из дома, – с сожалением говорит хозяйка коровы.

– Петик, побудь, сыночек, тут, а я сбегаю куплю ведро. – Через несколько минут она вернулась, держа в руках два жестяных ведра. – Всё равно дома пригодятся, – с этими словами принялась умело доить корову. Красуля оказалась на редкость спокойным животным. Молока она давала чуть ли не полное ведро.

– Мы продаём её только потому, что от неё уже есть две молодые коровы, хотя и она ещё не старая, шестым телёнком ходит, – объясняла женщина.

Мои глазёнки горят от радости. Теперь я могу есть молока вдоволь. Красуля и впрямь красивая корова. Рога длинные, ровные, словно ухват, красная шерсть с несколькими белыми пятнами на боках, лоснилась чистотой, на лбу небольшая лысина. Она важно, без капризов пошла за матерью, признав в ней свою новую хозяйку. Подкладывая своей Красуле лучшие пучки травы, глажу её по лысине, чешу за рогами.

– Мам, я никуда больше не пойду, за своими покупками иди одна.

– Хорошо. Я ходить долго не буду, – отвечает она, счастливо улыбаясь. А купить ей хотелось многое. Вскоре она привела на поводу вороную рослую кобылицу. На лошади был новый хомут со шлейками, в руках мать держала ремённые вожжи. Рядом с ней шёл пожилой мужчина, неся новенькую, выкрашенную в зелёный цвет, дугу. Привязав лошадь к телеге, мать отсчитала деньги и тут же попросила мужчину смазать дёгтем колёса. Поблагодарив она дала ему денег на магарыч.

– Дай вам Бог здоровья, хозяйюшка, а за скотину не волнуйтесь, любой воз потянет и спокойная, её такой малец, как твой, пасти может и ездить на ней верхом.

Теперь, сидя на телеге, мне приходится выбирать лучшую траву и поочередно угощать ею то Красулю, то Голубку, у которой тоже на лбу красуется белая звёздочка.

Возвратившись в очередной раз с покупками и уложив их в телегу, мать прикинула что-то в уме и сказала:

– Кажется, всё купили и гостинцев вдоволь и вот ещё четыре рубля денег осталось, – чуть помолчав, она предложила: – Пойдём купим тебе ещё сапожки, там есть и на твою ногу, но надо примерять, пойдём!

– А как же повозка?

– Мы долго ходить не будем, тут недалеко.

Возле места, где сапожники продают свой товар, примостившись на земле, сидел исхудалый старик. На его коленках лежала шапка, выдавшая на своём веку не один десяток зим. В ней

валялось несколько медяков. Возле деда стоял мальчик с такими же выбеленными на солнце волосами, как у меня. Мать уже миновала нищих, я, приостановившись, дёргаю её за сарафан.

– Ну что ещё?

– Мам, подари им денег, они есть хотят!

Остановившись, мать смотрит на меня в раздумьях.

– У нас всего четыре рубля. Сапоги стоят рубля три, так что...

– А на что они мне те сапоги зимой, мне Василь лапти сплетёт, отдай им эти три рубля, не надо мне сапоги.

– Ох, Петик, Петик! Что с тобой делать?

– Подари им. Нам же Бог помог.

Мальчик стоял, опустив голову, старик внимательно наблюдал за нами.

– Ну смотри, – сказала мать, – будешь осень и зиму ходить в лаптях.

– Ну и ладно, а эти три рубля отдай дедушке!

И матери ничего не оставалось делать, как покориться моей настойчивой просьбе. Она медленно положила трёхрублёвую бумажку в шапку. Костлявая рука старца соединила три перста, и, трижды осенив воздух крестом, старик промолвил:

– Да хранит тебя, чадо Божие, Господь Бог во веки веков!

– Спасибо! – ответила мать.

Когда время перевалило за полдень, мать запрягла в телегу Голубку, и мы тронулись с ярмарки. Гнедко и Красуля вышагивали рядышком, привязанные позади повозки.

Мне интересно глазеть на незнакомые места, деревни, через которые проезжаем. Мы едем молча. Ни матери, ни мне ни о чём не хочется говорить, как будто свершившееся сегодня там, в городе, наше благополучие в какой-то степени угнетало нас обоих. У меня отпала потребность к расспросам, а мать была занята своими мыслями. И только однажды она нарушила молчание не то вопросом, не то утверждением:

– Красивая тётя с сиянием вокруг головы, что являлась к тебе ночью, была сама заступница наша – Матерь Божия, а платочки, что Она давала тебе... – мать замолчала на полуслове, и, качая головой, что-то прошептала...

Домой добрались только под утро. Тяжёлая Красуля шла медленно, а когда совсем отказалась идти, пришлось дать ей отдых и часа три пасти её, а заодно и лошадей распрягли на обочине дороги...

Пятеро, все как один, высыпали во двор, едва услышали стук лошадиных копыт и скрип телеги. Их недоумение сменялось радостью, а радость недоумением. В таком неопределённом состоянии были не только старшие, но и малые. Потом, как бы опомнившись, все разом зашумели, задавая вопросы и не дожидаясь вразумительных ответов, подходили к животным и ласково их гладили, щупали покупки на телеге. Когда первые возбуждения улеглись, мать только и сказала, обращаясь к старшим сыновьям:

– Все это, – и протянула руку к телеге, – послал Господь Бог ему, – и указала на меня.

Запись 5

Природа

Зима хотя и укутала землю своим белым покрывалом, но снег был неглубоким. Стараясь попать след в след, торопливо шагаю за братом.

- Гриш, а если заяц попался, что ты с ним будешь делать?
- Ты что, маленький, спрашиваешь, убью, из шкурки шапку себе сошью, а мясо съедим.
- И тебе не жаль его убивать, ему же больно будет?
- Мало что больно!
- Гриш, а если б тебя кто бил, а?
- Замолчи ты! Тихо!

Наконец мы достигли опушки леса, где накануне брат поставил силки, понатыкал вокруг пучки овса, разбросал листья капусты и несколько мелких морковок. Ещё издали он увидел зайчишку, попавшего в петлю обеими передними лапками. Заяц кидался во все стороны. Брат что есть духу припустил к добыче. Еле поспевая, я следовал за ним. Гриша приказывает мне отцепить силки от лап. У меня замёрзли руки, и снять впившиеся в кожу тонкие проволоочки мне никак не удаётся.

- На, держи крепко, я сам.

Присев на корточки, обхватываю несчастного зверька так, что он весь оказался подо мной. Бедненький, как он дрожит! В его выпуклых глазах стоял ужас. Как будто понимая своё бессилие, зайчишка затихает. Обернувшись, я смотрю, как Гриша снимает петли. Как он будет его убивать? Как ему будет больно, боже мой, он будет кричать, плакать... От этих мыслей у меня дрожат руки. Внутри всё разрывается от жалости. Я уже готов был разрыдаться, как вдруг решаю. Вот и вторая лапа зайчишки свободна. Приподнимаюсь и толкаю зайца вперёд от себя. Ещё не веря своему спасению, зверёк на какое-то мгновение замер на месте, но тут же сделал такой прыжок, что сразу очутился от нас в трёх метрах. Брат с каким-то диким криком кинулся было его догонять, но, опомнившись, повернулся ко мне с кулаками.

– Ты, ты нарочно его выпустил! – и с размаху стукнул меня по голове так, что я свалился в снег.

– Заяц тоже жить хочет! Силки свои убери! – утирая слёзы, кричу я брату. – Что, тебе есть нечего, чтоб бедного зайчика убивать! Дурак ты!

- Сам ты дурак!
- Ты что, ещё хочешь, чтоб я тебе двинул?

Я вжимаюсь в снег, но он меня больше не тронул и, раздосадованный, направился домой. Плечусь от него на почтительном расстоянии и продолжаю доказывать, что всему живому больно, когда его бьют.

- Замолчи, нытик несчастный! – только и ответил он на мои причитания.

Брат продолжал ставить силки, но ни один заяц за всю зиму ему так и не попался. Меня он больше с собой не брал. Каждый раз, когда он возвращался с пустыми руками, я тихонько говорил: «Слава Богу!»

Весна оказалась обманчивой. Очень рано зацвели вишни, распустила свои пахучие листочки смородина. В лесу уже было полно ранних цветов. Как вдруг подул сиверко, и лёгкий морозец пробежался по весне-красавице.

Выбежав утром во двор, я увидел возле угла избы на завалинке большого съёжившегося мохнатого шмеля. Он сидел, уткнувшись головкой в расщелину бревна, и казался погибшим.

– Ах ты, бедненький, замёрз, – с этими словами осторожно беру его сверху двумя пальцами и несу в избу. Застывший шмель долго не подаёт признаков жизни. – Маленький ты мой, – жалею насекомое, – дурачок ты, надо было куда-нибудь спрятаться. – Пытаюсь согреть

его своим дыханием. У шмеля сначала еле задвигались передние лапки. Я обрадовался, что он живой. Вот в разные стороны повернулся его тоненький носок-хоботок. Я продолжаю дышать на него с надеждой на то, что маленький невольный гость будет жить. В подтверждение моих мыслей шмель пошевелил своими прозрачными крылышками. Задвигалась головка, по всему его мохнатому телу пробегает еле уловимая дрожь.

– Хорошенький ты мой, какой ты красавец, ну оживай уже...

Шмель, как будто услышав мою просьбу, вдруг двинулся по моей ладони. Вот он растопырил крылья и зажуужал.

– Ой, ты куда? – другой рукой преграждаю ему путь. Но держать его в зажатых ладонях не очень приятно и даже страшно. Он царапается своими крючками лапок, отчего по всему моему телу бегут мурашки. Надо стеклянную банку, где ему будет и светло, и он никуда не улетит.

Единственная в доме стеклянная посуда, которую мне удаётся приспособить, – это отбитая до половины бутылка. В неё и отправляю своего нового жильца.

Накрыв сверху посудину тряпкой, убедившись, что шмель оттуда не выберется, отправляюсь на поиски зелени.

Две веточки с несколькими замерзшими листочками смородины, затвердевшие на морозе соцветия вишни, принесённые со двора, помещаю в стекляшку.

– Мам, – обращаюсь к матери, – дай мне капельку мёда!

– Ты больше ничего не придумал? Там его осталось на дне одна ложка ребёнку в чай. Младшая сестрёнка болеет ангиной.

– Мам, ну мне же одну капельку, а то ж он помрет с голоду.

– На! – мать подцепила засахаренного мёду на кончик ножа. – И в кого ты такой удался, всех ему жаль, всяких букашек, козявок!

Беру из рук матери нож: – А разве это плохо, что я всех жалею? – отвечаю смеясь. – Посмотри, я ему настоящий сад устроил! – и смазываю мёдом листочки. – Живи, не тужи, пока во дворе мороз.

Насекомое сразу стало карабкаться на ветку и, найдя сладость, воткнув хоботок, замирает.

– Мам, погляди, как он мёд ест!

– Губа не дура! Что ж ему не так!

Чтобы шмелю было светло, ставлю его жилище на окошко. Уже на следующий день, когда на часок в окошко пригрело солнышко, мой подопечный так разбушевался, что мне приходится применить к нему меру пресечения. Я отправляю его в темноту.

Целую неделю стояла холодная пасмурная погода, а вчера даже снежок порошил. Всё это время я только и делаю, что наблюдаю, как мой мохнатый гость то успокаивается, то тщательно обследует своё жилище, ища выход на свободу. Вот он карабкается в верхушки веточки и, теряя равновесие, распускает свои широкие крылья, жужжит, пытается взлететь. Стукнувшись о тряпку, которой прикрыта посуда, сваливается на ветки.

Наконец ласково пригрело солнышко, тёплый ветерок еле дышит, день обещает быть погожим.

– Выпусти ты его уже, пусть летит, – говорит мать, – ему пора свой домик строить. Вон на дворе теплынь какая.

– Сам знаю, – отвечаю матери и несу стекляшку во двор.

Почувствовав свободу, шмель взбирается на край посуды, как бы раздумывая, какое решение принять. Но вот он распускает крылышки и – жужу-у – улетает.

Поселковые мальчишки по весне часто ходят в лес, ищут птичьи гнёзда и у малых пташек берут по одному-два яйца для коллекции. Дома выдувают через игольчатые проколы содержимое, а скорлупу нанизывают на нитку. Но если попадаются гнёзда уток, чирков или ещё каких птиц, у которых яйца крупные, то забирают все и потом жарят яичницу.

– Живодёры вы, смотрите, как несчастная птичка кричит! Это ж она плачет, у неё же деток не будет. Что вы делаете?

Но никто из мальчишек на мои просьбы и уговоры и ухом не ведёт.

– Подумаешь, плачет! Ещё нанесёт!

– А если и нанесёт, так будет поздно! Птенчики до осени не успеют вырасти! Паразиты вы! Гриш, хоть ты не смей обижать птичек! Боже накажет!

Но мой братец также забирается на дерево и перекладывает яйца из гнезда сороки себе в картуз, кричит: – Семь штук! – Картуз берёт в зубы и спускается на землю.

– Стукнуть бы тебя палкой, знал бы тогда, как разорять гнёзда! – со слезами на глазах грожу ему, но бить боюсь, мало силёнок.

Всё мое существо, так же, как и у обиженных птичек, разрывается на части. Это никого не волнует. На мои слёзы мальчишки отвечают насмешками.

Нет лучше поры, нет краше весны, чем весна в наших смешанных лесах. Когда земля ещё с избытком насыщена влагой от вешних снегов. Когда молодая зелень только-только наливается живительной силой тепла и света. Когда могучие дубы и клёны не оделись в свои ажурные наряды и не скрыли землю от лучей солнца. И когда, стряхнув с себя зимнюю дремоту, появляются на свет голубые и розовые подснежники с полными чашечками сладкого нектара. Когда в прозрачных лужицах талой воды золотом отливает лотос и его отражение в зеркале вод сливается с небесной лазурью. Когда, перелетая с цветка на цветок, жужжат мохнатые шмели. Весенняя природа! Когда с каждой ветки, из каждого куста льются неповторимые мелодии птичьего хора.

Вот лесная груша выбежала на полянку и красуется своим ажурным нарядом из белоснежных соцветий. Воздух вокруг насыщен ароматом мёда. Он привлекает к себе множество неутомимых тружениц-пчёл. Я не тороплюсь догонять неутомонных мальчишек, залюбовавшись грандиозным букетом цветущей груши. Остановился под благоухающей шапкой, отломал веточку с несколькими соцветиями и принялся вдыхать запах весны.

Ватага ребят ушла далеко, не стало слышно их голосов, и я решил один возвращаться домой. На пути светлый ручеек журчит, перекатываясь по корням деревьев. Вдруг из-под ног выскочила уточка-чирок и быстро-быстро побежала. Отбежав на несколько метров, остановилась, затем принялась издавать тревожные звуки. Любопытство овладело мной. Внимательно шарю глазами вокруг. В полушаге от меня под кустом смородины гнездо. Наклонившись и не притрагиваясь руками, пересчитываю яйца – одиннадцать штук. «Сама маленькая, серенький комочек в перьях, а яйца крупные и много» – так поразмыслив минуту, отступаю на несколько шагов назад, примечаю место. Спрятавшись за густой куст, принялся наблюдать – прилетит ли уточка. И вот серенькая птичка, растопырив крылышки, с подлётом подбегает к гнезду, и вскоре её не стало видно. Притаилась, спряталась. Хоть бы никто не нашёл, пока она выведет своих деток!

Эти мысли не дают мне покоя. Примерно через неделю я наведаясь к своей знакомой уточке. На этот раз близко не подхожу. Мне долго приходится стоять в укрытии, пока, наконец, не заметил, как она приподнялась над гнездом, осторожно перебирая лапками, как курица, когда сидит на яйцах. Цела! Пока никто не нашёл – и так же тихо удаляюсь, не нарушив её покоя.

Когда я посетил это место ещё раз, то уточки не нашёл. В гнезде и вокруг валялись куски яичной скорлупы, два целых пожелтевших яйца лежали на месте. Беру одно из них в руки, встряхиваю. Внутри его болтается жидкость – болтуны, а девять утят где-то уже гуляют со своей мамочкой. Моей радости не было границ. Я весёлый, мне хочется петь.

– Слава тебе, Господи! – довольный зашагал домой.

Гришка, как и старшие братья, любил что-либо мастерить. В школе учителя разъясняли детям, что птицы наши друзья. Гнёзда надо не разорять, а для некоторых птиц ещё и домики

строить. Мой братец, набравшись ума, смастерил такой домик. Забравшись на берёзу, он прикрепил его окошком к восходу солнца. Довольный собой, он заявил:

– Птиц больше не обижаю и другим разорять гнезда не даю.

Говорю ему: – Вот так бы давно!

Вскоре в его домике поселилась пара каких-то серых, чуть больше скворца, незнакомых нам птиц. Кто-то сказал, что это свиристели.

Я с удовольствием наблюдал за жизнью этих птиц. Их труд начинался с первыми лучами солнца и продолжался, пока последний луч небесного светила не касался земли. Через некоторое время у свиристелей появилось потомство. Птички-родители тратили на него много сил. Я очень хотел им помочь, но как? С этим вопросом я обратился к маме. Мама сказала, чтобы я им не мешал, потому что природа сама знает, что и как делать.

Однажды я заметил, что наша кошка залезла на берёзу и улеглась на скворечник. Она запустила лапу в леток и пыталась подцепить птенца. Я кинул в неё ком земли, но мурка осталась на месте, только убрала лапу из летка. В это время появилась одна из взрослых птиц и, издав воинственный крик, кинулась на кошку. Но та не испугалась, а вытянув переднюю лапу, пыталась поймать нападавшую птичку. Я, прицелившись, бросаю палку. На этот раз мой бросок оказался удачным. Но кошка на лету успевает одной лапой подцепить птичку. Я быстро оказываюсь на месте падения кошки и отбираю у неё птичку. После вместе с братом мы осмотрели свиристель и увидели под крылом ранки от когтей кошки. В это время другая птичка сидела на скворечнике и жалобно пищала. Брат сказал, что крыло цело и надо птичку отпустить. Я разжал руки, и птица быстро оказалась на дереве, рядом со своей парой. Кошку мы с братом на ночь заперли в подвале, чтобы она не залезла опять к гнезду. Днём я сам следил за кошкой и птичками. К середине лета появились птенцы, их было пять. Выбравшись из домика, они расправили крылышки и перепрыгивали с ветки на ветку.

Через некоторое время Гришка наточил нож о кирпичину и сказал, чтобы я брал верёвку. Мы с ним пошли в лес нарезать веников к зиме. Мы пересекли луг, где воздух был наполнен пьянящим запахом сухого чабреца, других луговых цветов и трав. Босые ноги часто натывались на острые, как иголки, стержни скошенной травы. Брат советовал наступать на пятки, потому что там кожа толще, чем на пальцах. Наконец скошенный луг остаётся позади. В лесу шелковистая трава ласкает ноги. Молодые берёзки стоят нарядные в своих белых платицах и в зелёных шапочках. Очень красиво. Нам с братом надо быстро нарезать веток. Гришка резал, а я еле успевал подбирать зелёные, увесистые, похожие на распушенный веер, веточки. Я просил брата сильно не обрезать молоденькие берёзки, но он ответил, что ещё вырастут. Гришка отпускает берёзку, но ей не хватает силёнок выпрямиться, так и остаётся полусогнутой. Брат, смеясь, наклоняет уже другое деревце. Я бросаю ветки и что есть силы упираюсь руками в ствол, раскачиваю его, пока берёзка не принимает прежнее положение. Говорю брату, что хватит, уже много нарежали, не донесём. Связав ветки в охапку и вскинув их на плечи, двинулись по лесу.

Вместо того чтобы идти домой, брат вывел меня на большую поляну, где раньше был Макаришкин хутор. Хозяин давно переехал в село. Мы бросили хворост у края поляны и направились к заброшенной усадьбе. За ней находился небольшой сад. Десяток яблонь, три груши, по краям несколько вишен и слив. Все деревья в таком состоянии, что смотреть на них без тоски было невозможно. Кое-где виднелись недозревшие плоды, но сучья, ветки были обломаны. Они с завядшими листьями свисали вниз, а многие и совсем валялись на земле. Некогда радовавшие человеческую душу и глаз красотой своего цветения, а затем сочными душистыми плодами, сейчас деревца стоят осиротело, изуродованные руками человека. Они уже явно приготовились к скорому умиранию...

Облюбовав самое высокое дерево, на вершине которого виднелось с десяток крупных плодов, Гриша попросил: – Подсоби! – и, ухватившись за первый сук, быстро вскарабкался на

самую вершину. Сорвав все до единой груши, засунул их за пазуху и крикнул: – Всего одиннадцать штук! Надо было раньше приходить. Кто-то уже успел всё оборвать! А за яблоками не полезу. Остались одни кислые. Эти поспевают поздней осенью, когда уже первый мороз будет!

Пока брат лазил за грушами, я осматривал каждое деревце, и горький ком накапливался в моей груди. Гриша внимательно всматривается в моё лицо и спрашивает: – Что с тобой? – и, поняв моё состояние, не дожидаясь ответа, горестно выдал: – Что поделаешь... Возьми грушу, ешь. Тебе две, мне три. Остальные понесём домой, – и он переложил плоды в карман штанов.

– Какие они сладкие, – едва откусив кусочек, говорю я, – это самая вкусная груша в наших садах.

Мы не торопясь идём по дорожке.

– Гриш, как ты думаешь, дерево живое или мёртвое?

– Ну как это дерево может быть живым? Подумай сам. Ходить оно не может. У него нет ни глаз, ни ушей. Ей богу, ты у нас какой-то чудной, тебе девять годов, а рассуждаешь как столетний дед. Всего тебе жалко, по всему плачешь. Теперь вот деревья у тебя живые.

Запись 6

Поверье

Я лежу с закрытыми глазами и не хочу их открывать, чтобы не спугнуть сладкое чувство видения сна. Однако так продолжаться долго не могло. И приподнявшись на локти, обвожу взглядом всю нашу маленькую избушку в надежде увидеть ласковую, красивую тётю, которая только что была возле меня и которую я уже однажды видел. Но обнаруживаю, что в избе никого нет. На дворе моросит дождь. Хотя до вечера ещё далеко, пастух пригнал уже коров с пастбища. Мать загоняет Красулю в хлев. Возле неё крутятся обе сестрёнки. Шлёпая босыми ногами по лужам, они стараются обрызгать друг друга. Все их проказы мне хорошо видны из окна. Но вот мать замахнулась на них хворостиной, и они со смехом разбегаются в разные стороны. Затем шумно заходят в избу, а за ними вошла мать.

– А ты что сидишь, нахохлился как сыч? Сбегай за водой!

Колодец наш находился недалеко от дома. Принёс воды и обратился к матери: – Мам, ко мне во сне опять приходила та тётя, что тогда, когда ехали на ярмарку. – Мать смотрела на меня с ожиданием, что я ещё расскажу более подробно о видении. – Мне кажется, что я совсем не спал, а лежал с открытыми глазами. Вдруг в избе откуда ни возьмись появилась она. Её лицо не было таким весёлым, как в тот раз. Оно было очень печальным. Подойдя к моей постели, она только и сказала: «Почему ты не приходишь ко мне?» На руках она держала красивого мальчика, глаза которого горели как угольки. Я хотел спросить у неё, куда мне идти, но её уже не стало.

Мать подумала и сказала: – Завтра воскресенье, пойдём с тобой, сыночек, в церковь сходим...

Людей в церкви было немного. Батюшка, во всём золотом, вышел из двери, держа в руках кадильницу, размахивал ею во все стороны. Ароматный дымок наполняет весь храм. Все присутствовавшие в церкви усердно крестились. Я смотрю на молящихся и, подражая им, кладу на себя крест, говорю слова молитвы и кланяюсь. Мне интересно и немного страшно. Вверху над головой слышится пение. Стройные голоса певчих разлетаются под сводами храма. Эти чарующие звуки проникают в самую глубину моей души. Всматриваюсь в святые лики, а они глядят своими строгими очами. Долго не спускаю глаз с распятия Иисуса Христа. Повернув взгляд вправо, застываю в радостном изумлении! На меня смотрит чистыми очами, излучая таинственный свет, моя знакомая тётя. Забыв о своей стеснительности, я шагнул вперёд, поставил свечку перед иконой, сам стал на колени и принялся молиться. Всё моё сознание было обращено к ней – ласковой, доброй заступнице. Помолившись, поднимаюсь с коленей, трижды прикладываюсь к образу. В моей душе расцвели цветы, чудная музыка наполняла меня, мои силы удвоились.

По дороге домой мать то и дело поглядывала на меня, и радостная улыбка не сходила с её лица: – Петик, ты такой весёлый, тебе понравилось в церкви?

– Очень, там так красиво и чудесно! Мам, давай ходить туда каждое воскресенье, мне хочется видеть Матерь Божию, нашу заступницу.

Начинались длинные осенние вечера. Управлялись по хозяйству мать и старшие братья. Вот и сегодняшним вечером четверо младших забрались на печь, где при тусклом свете каганца мы с Гришей играем в карты. Наши сестрёнки, поглядев на игру, вскоре засыпают. Нам с братом спать ещё не хочется. Мы молча перекидываемся картами и прислушиваемся к ночным шорохам во дворе. И вдруг над крышей раздался раскатистый хохот. На наших нечёсанных головах волосы встают дыбом. Смотрим друг на друга испуганными глазами, как вдруг дикий смех повторяется и сменяется детским плачем.

– Гриша, давай Богу молиться!

Но наши молитвы не помогли. Замолчав на какое-то время, леший или домовый принялся призывно и жалобно кого-то звать: – Угу-у-у, угу-у-у! А на крыше в самую трубу послышалось раскатистое: – Ха-ха-ха-ха-а! И замолкло. Ледяной холодок пробежал по моей спине от этого дикого смеха. Гриша хотел погасить каганец, но я запротестовал: «Не надо, страшно в темноте!» Перестали играть в карты, напрягли весь свой слух в ожидании ещё чего-то неизвестного.

– Дурачки! То был сыч, птица такая, её ещё филином зовут, а не какой-то там бес, – сказала нам мать, вернувшись от соседей. Утром, когда мы с Гришей собирались в школу, мать попросила: – Петя, ты деда Ларьку любишь, так вот по пути занеси ему кувшинчик молока, его бабушка болеет.

Возвращаясь из школы, я снова заглянул к старикам забрать пустой кувшин. Приветливые хозяева расспросили про школу, про учёбу.

– В школе интересно, учат читать и писать, а в букваре такие картинки красивые...

– Хорошее это дело – научиться грамоте, а то вот раньше так на всю деревню всего один человек знал буквы, читал кое-как, его поп научил.

– Дедушка, а нас с Гришей вчера сыч перепугал, мы его не видели, но он сидел на крыше и страшно кричал, да прямо в трубу. Мамы и Василия с Павликом дома не было. Они гостили у соседей.

Сидя в постели, бабушка спросила: – А как он кричал?

Я рассказал, что тогда слышал: – Кого-то звал, плакал, хохотал на разные голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.